DOI 10.15826/izv1.2020.26.2.037
УДК 39:77:94(571)

Е. В. Головнева
И. Шанта

«АЙНСКАЯ» ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ВЕНГЕРСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ БЕНЕДЕКА БАРАТОШИ-БАЛОГА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье в историко-культурологическом аспекте анализируется фотографическая коллекция айнов — коренного народа Дальнего Востока, собранная венгерским исследователем Б. Баратоши-Балогом (1870–1945) во время его путешествия в Японию (о. Хоккайдо) в начале XX в. Рассматривается исторический и научный контекст создания данной коллекции. На примере фотоматериалов Б. Баратоши выявляются особенности этнографической фотографии рубежа XIX–XX вв. как ценного визуально-антропологического источника.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальная антропология; этнографическая фотография рубежа XIX–XX вв.; традиционная культура; коренные народы Сибири и Дальнего Востока; айны; Б. Баратоши; о. Хоккайдо.

На рубеже XIX–XX вв. венгерские путешественники и ученые (Антал Регули, Бернат Мункачи, Карой Папай, Янош Янко и др.) сыграли существенную роль в изучении истории, языка, религии, культурных традиций восточных народов. В результате проведенных исследований в науке ими была создана венгерская школа востоковедения, имевшая свою исследовательскую программу и непосредственные коммуникационные связи, в том числе между поколениями исследователей [1]. При этом отдаленные территории Российской империи (Сибирь, Дальний Восток) и коренные народы, их населяющие, в комплексе востоковедческих исследований для венгерских ученых представляли особый интерес в силу выдвинутой идеи о наличии общности происхождения венгров с финно-угорскими народами [7, 8]. Основной акцент в изучении венгерскими финно-угроведами коренных народов Сибири и Дальнего Востока был сделан прежде всего на изучении структуры их языка, фиксации диалектного разнообразия и проведении сравнительного изучения в области языкознания. Большинство венгерских трудов по истории Урала, Сибири и Дальнего Востока было написано лингвистами [6, 441].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов» (руководитель — Е. В. Головнева).

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (e-mail: golovneva.elena@gmail.com). ШАНТА Иштван — PhD in Mongolian Linguistics, старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований Академии наук Венгрии, Венгрия.

© Головнева Е. В., Шанта И., 2020

Однако, помимо поиска лингвистических параллелей в финно-угорской общности, особое внимание уделялось также визуальным исследованиям внешности представителей традиционных этнокультурных сообществ, проведению их антропометрического изучения. Визуальная фиксация изучаемого в процессе путешествий и экспедиций (в первую очередь — создание рисунков, фотографий), по замыслу ученых того времени, была призвана подтвердить научность антропометрического метода. Тело жителя изучаемой культуры (остяков, вогулов, марийцев, удмуртов, нивхов и т. д.) становилось объектом фотографии, подлежащим интерпретации, на основе которой формировался образ Другого. Фотография в этом смысле оказывалась ценным визуальным антропологическим источником. Она представляла собой одновременно образ и физический объект, существующий во времени и пространстве, включенный в социальные и культурные отношения [16, 67].

Целью данной работы является введение в научный оборот и историко-культурологический анализ фотографических снимков коренных жителей Дальнего Востока — айнов¹, созданных венгерским исследователем Бенедек Баратоши-Балогом (1870–1945) в 1914 г., во время его пребывания на о. Хоккайдо. В качестве материалов исследования выступают оцифрованные фотографические коллекции венгерского исследователя, касающиеся коренных народов Дальнего Востока, из собрания Этнографического музея г. Будапешта, которые находятся в открытом доступе². Методологической основой исследования являются концепция «визуального народоведения» Е. А. Вишленковой [2], тезис А. В. Головнева об единстве исходного народоведения и визуальной этнографии [3, 77], а также идеи об этнографической фотографии как научном методе, развиваемые в работах Мишеля Фризо [12] и Брайана Кьюминса [15].

Учитывая то, что визуальные материалы — это всегда текст, взятый в контексте [14], обратимся далее к обстоятельствам создания «айнской» фотоколлекции Б. Баратоши.

Основная цель венгерского исследователя Бенедека Баратоши-Балога, предпринявшего путешествие в Россию и Японию в начале XX в., заключалась в установлении и подтверждении идеи тесных лингвистических и культурных связей между венграми и народами Востока. Молодые годы Б. Баратоши провел в поездках по Европе, пользуясь расположением семьи барона Вешелени, а с 1899 г. обосновался в Будапеште, занимаясь преподавательским трудом и подготовкой к дальним экспедициям на Восток [7, 130]. В ходе этих экспедиций Б. Баратоши побывал в Сибири, Центральной Азии, Коми, Приморье и Японии, изучая местные этнокультурные сообщества (коми-зырян, ненцев, нанайцев, эвенков, ульчей, удэге, айнов и др.). Критики Б. Баратоши неизменно ссылались на отсутствие у него опыта научных исследований, в том числе в сфере лингвистики, однако никто из них не ставил под сомнение энтузиазм путешественника

¹ Айны (айну, дословно «человек») — народ, происхождение и история которого уже более ста лет вызывают неослабевающий интерес ученых. Эти люди разительно отличаются от окружающего населения внешним обликом, языком, многими элементами традиционной материальной и духовной культуры [11, 5].

² <https://www.neprajz.hu/bbb/photo.htm>

в изучении новых территорий, несмотря на постоянные трудности финансового и политического характера [17, 55]. В настоящее время деятельность Б. Баратоши известна по собранным им культурным артефактам, наиболее важной и ценной частью которых являются этнографические коллекции айнов и «сибирских» народов Приамурья. Данные коллекции представляли для Б. Баратоши в первую очередь прагматический интерес — он стремился собрать этнографический материал на Востоке для своих европейских «спонсоров».

Свое первое путешествие в Японию Баратоши совершил в 1903 г., проведя полтора года в Токио. Именно во время этого путешествия по Японии Б. Баратоши познакомился с культурой айнов и собрал первые этнографические материалы по айнской культуре. В этой поездке Баратоши сопровождала его жена и японский коллега Кацура Тасобу. Но в связи с финансовыми затруднениями Б. Баратоши, не закончив исследования, вынужден был покинуть Японию. Следующее посещение Баратоши айнов состоялось в 1914 г. во время его путешествия на о. Сахалин и о. Хоккайдо с целью формирования коллекции для Венгерского национального музея. В рамках этой поездки Б. Баратоши стремился также собрать лингвистический материал, способный продемонстрировать разнообразие диалектов изучаемого региона³. На этот раз Б. Баратоши предпринял путешествие в Японию через Сибирь в сопровождении своего шестнадцатилетнего сына. Во время пребывания среди айнов в 1914 г. Б. Баратоши удалось собрать ценный этнографический и лингвистический материал по культуре этого народа, а также сделать серию рисунков и фотоснимков [18, 49]. В июле 1914 г. Б. Баратоши продолжил свои исследования среди коренных народов Приамурья, уже на территории России, однако в августе 1914 г., в связи с разразившейся Первой мировой войной, должен был покинуть регион и вернуться в г. Будапешт.

Часть собранных материалов из этнографической коллекции Б. Баратоши осталась в Хабаровском краеведческом музее, часть — хранится в Этнографическом музее г. Будапешта, еще одна часть была приобретена Народным музеем в Гамбурге (Германия). Из письменных свидетельств по Дальнему Востоку, принадлежащих Б. Баратоши, наиболее интересны: путеводитель по Японии «Dai Nippon. Чудеса Востока» (1906), научно-популярное издание «Прогулка вокруг света» (1907) и роман «Приключенческое путешествие трех трансильванских студентов вокруг света» (1907). За 1928–1942 гг. Б. Баратоши было подготовлено также 18 томов так называемой «туранской» серии, в которой обосновывается туранизм — идеология политического объединения туранских (ирано-, тюрко- и монголоязычных) народов (Туран — древнеиранское название Центральной Азии).

Благодаря огромному количеству фотоснимков, которые Б. Баратоши привез из экспедиций, он считается ключевой фигурой в развитии этнографической фотографии в Венгрии и одним из основателей венгерской визуальной

³ В архиве Этнографического музея г. Будапешта хранится составленный Баратоши уникальный словарь языка айнов, включающий в себя 5680 карточек. По оценкам специалистов, это одно из лучших собраний диалектов айнского языка, относящееся к началу XX в. [18, 50].

антропологии [4, 18]. Согласно данным отчета Б. Баратоши, в результате его первого путешествия на Восток 400 фотографий было сделано им самим и столько же приобретено [18, 59]. Большинство своих фотографий путешественник сделал во время поездки по р. Амур, в деревнях, где проживали нанайцы, ульчи и гиляки, вблизи Хабаровска и Троицкой; ряд снимков посвящен айнам о. Сахалин и о. Хоккайдо.

В настоящее время фотоархив Баратоши хранится в Этнографическом музее г. Будапешта и включает в себя, наряду с фотоизображениями, стеклянные негативы. Состояние некоторых негативов довольно плохое из-за длительного хранения фотоархива исследователя в неподходящих условиях, но в целом старые фотоснимки Баратоши удалось сохранить в относительно хорошем качестве. К примеру, верхняя часть фотографии шамана, сделанной в долине р. Амур в 1911 г., полностью утрачена. Тем не менее фото все же содержит ценную визуальную информацию об атрибутах сибирского шаманизма [Там же, 57].

Одной из самых интересных и ценных в визуальных материалах Б. Баратоши-Балога является коллекция фотографий, на которой запечатлены айны. Культурологический анализ этой коллекции позволяет сказать, что данные фотоматериалы укладываются в общую парадигму создания этнографических снимков на рубеже XX–XX вв. — формирование визуального каталога человека как биологического вида, одновременно отражающего различные этапы развития культуры. Возможность применения этнографической фотографии в науке в то время определялась, прежде всего, иллюзией ее дословной передачи реальности, благодаря которой ученый мог выразить свое видение в доступной чужому восприятию форме [13, 140]. Именно поэтому мы сейчас можем анализировать этнографические фотографии начала XX в., созданные Б. Баратоши, как документы, отражающие восприятие европейцами жителей отдаленных (фронтирных) территорий.

В определенном смысле этнографическая фотография наследовала многие цели, которые ставились ранее художниками при зарисовках с натуры. Известно, что айны были запечатлены в рисунках (*айну-э*) японских художников еще в XVII–XVIII вв., и эти рисунки изображали бытовые сценки из их жизни либо их портреты. Первым автором собственно картин *айну-э* считается Кодама Тэйре, родившийся в конце XVII в. в Мацумаэ (Хоккайдо) [11, 21]. На конец XVIII–XIX вв. приходится расцвет творчества художников, изображавших айнов (Какидзаки Хакие, Тани Гэнтан, Тисима Сюнри, Хирасава Бедзан и др.) и занимавшихся исследованием земель Хоккайдо (Эдзо). Описания географического положения островов, их флоры, фауны, быта и обычаев айнов путешественниками XIX — начала XX в. также нередко сопровождалось рисунками и иллюстрациями, которые выполняли либо сами авторы, либо другие художники. На старинных гравюрах и рисунках айны-мужчины всегда изображались с густыми и широкими бровями, усами и длинными бородами. Женщин, по-видимому, старавшихся подчеркнуть свою принадлежность к айнскому народу, изображали с татуировками на бровях и вокруг губ, напоминавшими по форме мужские [10, 70].

Б. Баратоши в условиях экспедиций на Дальний Восток также активно прибегал к зарисовкам амулетов, идолов, артефактов, относящихся к сибирскому

шаманизму (всего сохранилось более 300 его рисунков)⁴. Делая зарисовки предметов изучаемой материальной культуры, Б. Баратоши на разных листах бумаги создавал различные схематические изображения одних и тех же артефактов. Свои рисунки он сопровождал краткими описаниями изображенного (например, «Идолы восточных тунгусов (р. Амур), из моей коллекции 1908, 1909 и 1914 гг. Описания амулетов и шаманских предметов»). Помимо четкого указания на место происхождения предмета, Б. Баратоши делал заметки следующего рода, описывая изображения идолов (сэвэнов) [5]: «Объекты под номерами 10, 11, 12 принадлежат шаману Найда. Он не мог мне их продать, иначе он бы лишился их покровительства, и он не мог мне отдать их копии, иначе это означало, что я получу ту же власть, что и он. Он также не позволил мне сфотографировать их. Он позволил лишь поддержать их после того, как я поклонился духам *ayami*» [18, 56–57].

С появлением нового технического изобретения — фотоаппарата именно фотографии становятся важным элементом формирования представлений об айнах, способом их репрезентации, изучения и оценки. По сравнению с рисунками фотография позволяла значительно усовершенствовать сам процесс сбора этнографического материала: выросал его объем, сведения в форме снимков привозились в локальные музеи, где они служили достоверными доказательствами доклада исследователя. Не случайно создание фотоархивов было характерно для многих известных венгерских исследователей-финно-угроведов, путешествующих по России (А. Регули, Б. Мункачи, К. Папай, Я. Янко, В. Диосеги). Фотоснимки доказывали, что коренные народы Сибири и Дальнего Востока — это нечто большее, чем тело, что они значимы для истории, их жизнь вплетена в систему социальных отношений.

Так, айнская коллекция фотографий Б. Баратоши включает в себя как групповые снимки, так и одиночные, которые основывались на традициях жанра портрета. Фотопортрет в данном случае демонстрирует необходимость для увековечивания своего рода, в подражании традиции парадного портрета. В фотоархиве, принадлежащем Б. Баратоши, присутствуют как постановочные, так и документальные сцены из повседневной жизни айнов, где можно увидеть предметы быта, орудия труда и охоты, ритуальную атрибутику. Местные жители (как мужчины, так и женщины) предстают на фотографиях в традиционных праздничных нарядах и украшениях. На одном из фотоснимков Б. Баратоши женщина запечатлена в традиционной одежде айнов о. Хоккайдо — полосатом халате (*амтуси*) с геометрическим орнаментом, при изготовлении которого цветные хлопчатобумажные или лубяные окрашенные нити вплетались прямо в ткань. Костюм выступает здесь очень важным маркером культурной самобытности, поскольку, согласно установившейся традиции восприятия, лишенное элементов костюма тело туземца на снимке воспринималось как тело вне культуры.

На фотографиях Баратоши у айнок на губах и руках — татуировки в виде полосок, по древнему обычаю айнов это указывало на замужний статус женщин. Помимо эстетической функции, по мнению М. В. Осиповой, татуировка на губах

⁴ Рисунки Б. Баратоши можно посмотреть по ссылке: <https://www.neprajz.hu/bbb/draw.htm>

айнки имела выраженный сакральный смысл: узор вокруг губ и носа предохранял женщин от внедрения в их тело злых сил и болезней и являлся опознавательным знаком этого народа [10, 71]. Узоры вокруг рта были различными: одни вытянуты, как усы, на 3,5–5 см в стороны и вверх; другие без вытянутых высоко вверх внешних углов; третьи отличаются полным отсутствием углов, уходящих от естественных углов рта. Узоры вокруг рта были обычными для всех айнок Сахалина, Курил и Хоккайдо [9, 108].

Женщины айнов иллюстрируют на фотографиях подчиненное положение и доверие, традиционно ассоциирующиеся с «примитивными» культурами. Визуальные свидетельства айнской культуры у Баратоши подкрепляются письменными наблюдениями. В частности, по его замечанию, «...айны не любят работать, но это справедливо только в отношении мужчин. Женщины же работают с утра до ночи, и с ночи до утра. На их плечах лежит вся домашняя работа, в то время, как их мужья лишь иногда выходят из дома, чтобы половить рыбу или поохотиться. <...> Женщина работает без устали, до самой смерти...» [17, 61, 67].

По словам Б. Кьюминса, «...фотограф-этнограф делает снимки Другого для своей культуры, а не для культуры субъекта. Более того, при создании фотографии он опирается на свой культурный контекст, потребности и понимание Другого» [15, 45]. Вот как описывает Баратоши свою первую встречу с айнами: «Если быть честным, они (айны. — Е. Г., И. Ш.) выглядели достаточно жалкими. Их грубая одежда походила на платье, которое носили в низменной равнине в Венгрии, она имела свободные рукава, открывавшие их волосатые руки. Это были скорее не рубахи, а двухслойное одеяние, наподобие халата, стянутое на поясе ремнем. Верхние края одежды были покрыты орнаментом голубого цвета. Постоянное пребывание на солнце и отсутствие гигиенических привычек делало их кожу темнее, чем у японцев. Особое впечатление на меня произвели женщины, которые имели грязные синие татуировки в области губ, напоминавшие усы... Мужчина мог бы выглядеть привлекательно, если бы помылся и был одет соответствующе... Его роскошная борода покрывала всю грудь, глаза с густыми ресницами имели скорее “европейский” разрез, в отличие от глаз японцев, как будто вырезанных острым ножом. Его нос и скулы были скорее монгольского типа...» [18, 57].

По словам Б. Баратоши, «...социальные связи между айнами подобны японским церемониям. Они почитают своих родителей и стариков и весьма внимательны к соблюдению древних обычаев... Айны — это вымирающая этническая группа. Цивилизация истощила их рыбные и охотничьи угодья, изменила их условия жизни. Вскоре память о них сохранится лишь в книгах и в этнографических коллекциях» [Там же, 61]. Фотографические снимки айнской культуры, дополненные письменными свидетельствами, таким образом, отражают рефлексию исследователя об исчезающих культурах.

В целом фотографии Б. Баратоши демонстрируют, что репрезентация коренных народов отдаленных территорий Российской империи оказывалась вписанной одновременно и в научный, и в экзотический (все, что могло быть понято как «диковина»; не предполагает аналитического взгляда) дискурсы. Деятельность Баратоши разворачивалась в условиях, когда авторитет, завоеванный фотографией

в научной среде, позволил ей постепенно перейти из положения регистрирующего инструмента к задающему норму средству антропологического изучения. Этнографические фотографии, созданные исследователями того времени, служили плоскостной репрезентацией личностей изучаемых народов, моделировали их живой образ в повседневности, позволяли ученым продемонстрировать широту своих взглядов, интерес к науке и в целом — выразить свою поддержку колониальной политики.

1. Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. 2019. № 3 (74). С. 74–79.
2. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. 384 с.
3. Головнев А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 72–81.
4. Головнев И. А., Головнева Е. В., Шанта И., Сафонова Т. Визуально-антропологические репрезентации фронтальных территорий (на примере деятельности В. К. Арсеньева и Б. Б. Баратоши на Дальнем Востоке) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 208–215.
5. Головнева Е. В., Шанта И. Визуализация сакрального в культовой скульптуре народов Приамурья (по материалам коллекций В. К. Арсеньева и Б. Баратоши) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 145–155.
6. Дьени Г. Экспансия Московского государства и финно-угорские народы в венгерской историографии // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. С. 439–446.
7. Егоров А. В., Загребин А. Е. Уралистика=алтаистика: Баратоши Балог — мечтатель, этнограф и музеевед // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 1, № 14. С. 128–138.
8. Загребин А. Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма // Вестн. Удмурт. ун-та. 2009. Вып. 2. С. 58–70.
9. Лим С. Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3 (23). С. 105–112.
10. Осипова М. В. Айнская татуировка: ее истоки и символика узоров // Вестн. Дальневост. отделения РАН. 2010. № 2 (150). С. 66–74.
11. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. (Материалы к истории становления айнского этноса). СПб., 2014. 766 с.
12. Фризо М. П. Дело о теле // Новая история фотографии / ред. и сост. М. Фризо. СПб., 2008. С. 259–271.
13. Юргенева А. Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Художественная культура. 2018. № 3. С. 136–167.
14. Banks M., Vokes R. Introduction: Anthropology, Photography and the Archive // History and Anthropology. 2010. Vol. 21, № 4. P. 337–349.
15. Cummins B. Faces of the North. The Ethnographic Photography of John Honnigmann. Natural Heritage/Natural History Inc. Toronto, 2004. 149 p.
16. Edwards E. Material beings: objecthood and ethnographic photographs // Visual Studies. 2002. Vol. 17, № 1. P. 67–75.
17. Galambos I. A Hungarian Visitor among the Ainu: A Translation of Benedek Baráthosi-Balogh's Travel Reports to Sakhalin and Hokkaido // Japanese Religions. 2008. Vol. 33 (1 & 2). P. 55–74.
18. Hoppal Mihaly. Shamans and traditions. Budapest, 2007. 202 p.

Статья поступила в редакцию 09.03.2020 г.